

АКИН + НИКА

Акину нравилась Ника. Тощеватая, правда — но когда Акин смотрел на ее стриженный затылок, лицу становилось жарко.

Ника — птичка-невеличка. Коленки, локти торчат, носик остренький. Лицо — одни глаза. Глазища.

Ника не дура. Все понимает. Улыбается, сверкает глазами, вспыхивает. Вот вспыхивать черные девчонки точно не способны. Зато сиськи есть. У Ники вот нету, жаль.

Оби обижается. Он ведь неделю уже к ней не подходит, поднадоела что-то. Может, из-за Ники. Хотя вряд ли. Оби шваркает тряпкой, расплескивает воду, тарелки бьет. Мать выгнать ее грозится, но жалеет. Дома, в деревне, у Оби муж, мама и двое близнецов. Живут на ее зарплату, ну и на подарки от Акина. Он не то что другие, бесплатно девушкой пользоваться никогда не будет. Хотя она и не прочь, вообще-то. Но отец учит: «Сынок, будь щедрым с женщинами, жизнь у них тяжелая».

Отец женщин никогда не обижает. Все женщины вокруг него всегда довольны. Да и денег у него достаточно. Так что и мать глаза закрывает — да и куда ей деваться, с пятью-то детьми. Младшему братишке только год исполнился.

Акин, шутки ради, иногда представлял: женится на Нике. Белая жена — это вам не черная. На голову выше других его сразу поднимет. А место в министерстве отец ему уже держит. Ну, сначала, после школы, разумеется, Штаты, или Швейцария, или Лондон, может быть. Хорошо бы с Никой вместе, а что, почему нет. Белым только дай поучиться зауми какой-нибудь.

Хотя, вообще-то, какая на хрен Швейцария? Он, конечно, не такой ученый, как его старший брат, который жопу в Гарварде просиживает. Но вот именно жопой чувствует — жениться ему придется на родной сисястой корове, которая легко родит ему сыновей, а его отцу — внуков. И будет она дочкой какого-нибудь папиного друга, а может, даже и начальника, так чтобы деньги — к деньгам.

Ну а что, тоже неплохо. И Лондон при таком раскладе совершенно не отменяется.

* * *

Ника знала, что нравится мужчинам. Уже нравится. Французское в ней есть что-то, какой-то шарм. Но Ника понимала — спешить некуда. Столько всего интересного вокруг. Закончит школу — куда-нибудь учиться дальше, параллельно можно работать, писать в какой-нибудь журнал статьи про кино. А еще лучше — сценарии. Сейчас все возможно. Время возможностей для молодых с быстрыми мозгами и интернетом.

Недавно в Каннах на конкурсе студенческих работ первый приз взяла девушка из московского ВГИКа. При этом заявку на участие отправила туда не просто самостоятельно, а еще и в обход преподавательской комиссии, которая картину на отправку не утвердила. Старперы, кончилось ваше время — что вы понимаете, что вы можете запретить?

Зато слюни пускать горазды. Ника играла на флейте в школьном оркестре, и липкие взгляды препода по музыке, мужичка из Алабамы под 50, уже порядком раздражали. Можно было бы сказать — взгляды в декольте, да только декольте у Ники никакого не было. Дай бог первый размер, ха-ха. Не в этом ее сила.

Но как же достало гнить в этой Абудже. Скорее бы папа перевелся куда-нибудь. Например, домой, в Израиль. Или в Россию. В родной — по маме — Москве Ника уж найдет себе применение. Столько возможностей — а она сидит тут, болеет малярией и местными жуткими ангинами чуть не каждый месяц. Хрупкая она, худенькая, как воробушек. Что грудастые, с великолепными попами нигерийские девчонки, что волоокие, с круглыми подбородками соплеменницы относятся снисходительно, соперницу в ней не видят. Дуры, что сказать.

Взять хоть Акина. Красавец-парень. Плечистый, спортивный — капитан их школьной футбольной команды. При этом совершенно не заносчивый, как многие детки местных чиновников, щедрый, обаятельный. Улыбка — просто солнце. И с Ники на уроках глаз не сводит — затылок просто горит.

Бразильянка Саманта, мисс школы третий год подряд, недоумения своего уже не скрывает. По всем писаным и неписаным канонам им с Акином положено встречаться. Тем более и цвет кожи

одинаковый. Вроде бы мелочь для международной школы, где каждый твари по паре, — а приятно. По-голливудски как-то.

Нике Акин, в общем-то, нравится. Но какие тут могут быть перспективы? Чисто по-женски Ника, разумеется, уж проигрывала ситуацию замужества. Она так делала со всеми особями мужского пола, хотя бы раз кинувшими на нее заинтересованный взгляд.

С Акином ситуация предельно ясная — сначала дорогие ухаживания, роскошная свадьба и свадебные подарки, а потом — жизнь в нигерийской семье, со всеми отсюда вытекающими. Куча бедных родственников и слуг на шее, которыми надо учиться управлять, мама и папа, с которыми надо учиться уживаться, то есть учиться придется не новейшим достижениям и высоким технологиям, а такой древней архаике, что у Ники заранее ломит зубы от скуки.

И пусть сто раз прав папа, который говорит, что важнее отношений между людьми ничего в мире нет, этнография Нику совсем не прельщает. Разве что сценарий может выйти интересный. Хотя экзотики типа иранской или китайской синефилы уже наелись.

* * *

— Слушай, это кошмар... такого я от нее не ожидала! — Нина всхлипнула и закрыла рот рукой. Ранним утром после заседания родительского комитета она стояла с Сарой в школьном дворе, машинально здороваясь со знакомыми родителями. Глаза у Нины были красные.

— Ничего, не переживай, она у тебя девочка умная, перебесит-ся. — Сара цедила каркающие ивритские слова снисходительно и лениво. — Я же почему тебе рассказала. Они же лучшие подружки, твоя Никуш и моя Ариэлиш, твоя же Никуш мне как дочка. Вот я тебе и говорю, Ариэль сказала: эта толстая ее подружка, не помню как ее там, ну, нигерийка, что ей сказал ее брат, что ему признавался Акин, что ему нравится Ника. А я и сама вижу, как он смотрит на нее! Тут не просто нравится, моя дорогая. Тут ужас просто что, ну ты сама понимаешь.

— Сара, я прошу тебя, ты только никому не говори, хорошо? — Нина выглядела совсем жалко, и в душе Сары даже шевельнулось сочувствие.

— Дорогая, зачем мне что-то кому-то говорить? И так все видно — всем, кроме тебя. Не об этом тебе надо думать сейчас. Тебе надо думать о том, как отвадить от своей доченьки этого нигерийца. Поговори с ней.

* * *

— Нина, это какой-то абсурд! Что ты говоришь, ты только послушай себя! Опять тебе твоя Сара в уши говна налила! — Бенья бушевал уже почти час, и Нина боялась, что у него опять поднимется давление.

— Бенечка, ну ты пойми, ну он же негр... ну ты сам подумай, наша Никочка — и этот...

— Дура! — взревел Бенья и схватился за сердце. Яростно отмахиваясь от вскочившей было Нины, он продолжал быстро курсировать вдоль стены и кричать:

— Чтобы я! В своем доме! Больше никогда не слышал такой мерзости! Еще одно слово твоих подружек — и я сам, ты слышишь, собственноручно, выдам ее замуж за этого Акина или как там его! — тут Бенья перестал бегать по комнате и рухнул на диван. — Ниночка... какой позор... еврей-расисты... Ниночка, как ты можешь общаться с такими людьми? — Бенья резко перешел на горестный шепот. Нина беззвучно заливалась слезами.

* * *

— Вот ты мне скажи, зачем вам это надо? Зачем вам белая невестка? — добродушное полное лицо Чиги выглядело понастоящему взволнованным.

— Дорогая, ты о чем? — Кеми, мама Акина, успокаивающим жестом взяла двоюродную сестру мужа за руку, но Чиги только повысила голос:

— Как всегда! Все вокруг знают, одна Кеми ничего не знает! Про собственного сына! Скоро белую тебе в дом приведет — а ты и не заметишь! Мне моя Лола рассказала, а ей — ее подруга Карима, что у них в классе все уже это знают!

— Акин с кем-то встречается?

— Боже милостивый, зачем вам это? — громогласно вещала Чиго. — Белые тощие, слабые, рожают плохо — а гонору сколько! Только и учатся всю жизнь, непонятно чему и зачем. Лучше бы за мужьями смотрели своими. Даже не кормят толком! — Чиго стукнула солидным кулаком по столу и энергично повернулась на стуле так, что тот жалобно заскрипел и опасно прогнулся.

— Милая, Акин уже большой мальчик. Если ему нравится кто-то в школе, что я могу поделать? Домой он ее пока точно не приволил, что волноваться?

— Вот, сразу видны твои американские университеты. Не о чем ей волноваться, видите ли. Пойми, оглянуться не успеешь — и волноваться будет уже поздно! Все, я тебя предупредила, дальше думай сама, — Чиго решительно встала из-за стола, прижала к своей необъятной груди тоненькую Кеми и направилась к выходу.

Недоумение на лице Кеми сменилось рассеянной улыбкой. Она вдруг вспомнила белого мальчика, который ухаживал за ней в колледже. Давно... как же это было давно.

* * *

Нина вышла в общий двор компаунда и направилась к бассейну. Под навесом, сидя в шезлонгах, разговаривали несколько женщин. Увидев ее, они переглянулись и замолчали. У Нины неприятно похолодело в животе, ладони вспотели. Она направилась к соседкам, поздоровалась. Одна из них ответила, две другие отвернулись, четвертая кивнула. Никто не предложил размеситься рядом. Поэтому Нина, неловко помявшись на месте, отошла под соседний навес. Женщины, убедившись, что она довольно далеко, продолжили разговор.

— О чем она вообще думает. Русским на своих детей плевать.

— Это ее дело. Хочет себе черных внуков — ради Бога.

— Биньямин о чем думает, единственная дочь...

— А что Биньямин? Он такие деньги своей служанке платит, что моя как узнала — давай губу кривить и делать все через одно место. Жалеет он их, видите ли. А что жалеть? Что, родственники, что ли?

— Будет скоро зятя и его бедных родственников жалеть, целыми деревнями.

* * *

— Кеми, нам надо серьезно поговорить. — Джошуа, ослабив промокший от пота воротничок белой рубашки, откинулся на своем кресле во главе огромного, как сам хозяин дома, стола. Они только что закончили ужинать, и Оби убирала тарелки. Кеми вопросительно подняла бровь, не сказав ни слова. Джошуа засопел — иногда его жена была такой... такой *не нигерийкой*, что он просто терялся. Ни криков, ни жестов, ни слез — вот как такую женщину понять?

— Ты ведь знаешь, о чем я! — возвысил голос Джошуа. — Акин связался с белой девицей. Так не пойдет.

— Джошуа, дорогой, что значит не пойдет? Тут уж мы мало что можем сделать. — На Кеми вдруг, к ее изумлению, нахлынула злость.

— А вот так и не пойдет. — Джошуа упрямо мотнул большой головой. — Есть у нас на примете ему невеста, пусть дурака не валяет. А пока учиться надо. А для... для здоровья девочек хватает.

— И что ты предлагаешь? Я запрещать ему ничего не буду. Это просто дикость! — последние слова Кеми почти прокричала и резко встала из-за стола. Джошуа, крайне удивленный, с улыбкой уставился на жену. Может, значит, и кричать, вот оно как. А двадцать пять лет, значит, не позволяла себе. Терпела, значит. Очень интересно.

— Что, вспомнила своего студентика малахольного? — с неуклюжим ехидством бухнул он. Кеми так сверкнула глазами, что Джошуа вздрогнул. В дальней комнате заплакал младший сын. Жена, яростно грохотнув стулом, вышла из столовой.

* * *

— Ника, запомни: живи своей жизнью и слушай свое сердце. — Ника изумленно взглянула на отца. Он, воинственно глядя на Нину, тряхнул седыми кудрями и поправил очки. Вся семья чи-

тала после ужина, и в полнейшей тишине реплика папы прозвучала забавно.

— Папочка... ты не волнуйся, я помню, — ласково ответила Ника. Все-таки папка смешной, любит ее.

— Фашизм и расизм мы истребили полвека назад, и если кто-то тебе его опять пытается навязать... Но пасаран! — и папа потряс кулаком. Нина мрачно молчала, наблюдая за дочерью и мужем.

— Пап, да никто и не пытается, ты о чем вообще?

— Ты, надеюсь, не смотришь на цвет кожи, когда общаешься с человеком?

— Смотрю, конечно. Что мне, глаза закрывать?

— А я настаиваю, что цвет кожи не имеет значения! И пусть все считают меня старым придурком и скурившимся хиппи, я верю, что любовь не имеет границ, — тут Беня нежно посмотрел на жену. Ника поморщилась. Папка хороший, но пафос у него зашкаливает.

— Ладно, пап, я поняла. Цвет кожи не имеет значения. Собственно, это общее место.

— Для некоторых наших знакомых, к сожалению, это звучит как бред сумасшедшего. Правда, Нина? — Беня снова, на этот раз многозначительно, посмотрел на жену.

* * *

Поздно вечером Нина тихонько постучалась в комнату к дочери. Ника читала, сидя в кровати, и жевала яблоко.

— Не спишь? — Нина присела на краешек кровати. — Никочка, папа прав, конечно, но ты подумай хорошенько — зачем тебе это нужно?

— Мам, да вы совсем с ума сошли, что ли? Что нужно?

— Ну, мальчик этот черный... вы же из двух разных миров. Папа идеалист, ты же знаешь. — Нина видела, что Ника начинает закипать, но решила довести разговор до конца.

— Мама! Какой черный мальчик? У тебя тропикоз? — Ника уже вышла из себя — быстро, как всегда. Мама ее порой здорово бесила.

— Ладно, не хочешь — не говори. Но почему ты опять хамишь? — Нина обиделась. — Разговаривай тогда сама с нашими соседями! — Это уж была совсем глупость, но Нина ничего не могла с собой поделать: в разговорах с дочерью она чувствовала себя полной дурой, не могла подобрать слова и с готовностью велась на подростковые провокации.

— Ах вот в чем дело,— издевательски протянула Ника. — Мамочка боится тетю Сару... Тетя Сара ругает мамочку, что она плохая мамочка!

— Не смей так со мной разговаривать. И держись от черных подальше, если у тебя есть мозги! — прошипела Нина. Встала, одернула халат и молча вышла из комнаты.

* * *

Акин и Джошуа орал друг на друга уже почти час и, судя по звукам, что-то разбили. Оби с явным удовольствием прислушивалась, небрежно взяв шваброй перед закрытой дверью. Дверь распахнулась, и Акин, с посеревшим лицом, сжатыми губами и дикими глазами, шархнул кулаком по косяку так, что дерево треснуло. Потом метнул неузнавающий взгляд на Оби и ринулся по коридору. Следом в дверном проеме возник совершенно мокрый от пота Джошуа и прокричал сыну вслед:

— Остынешь и поймешь, что я прав! — потом одобрительно посмотрел на трещины в косяке и, звонко хлопнув Оби по заднице, весело сказал: — Растет малыш, растет... Смотри-ка, сам он хочет решать, кого ему трахать! Весь в отца!

* * *

— Мама, почему отец всегда на меня давит? — Акин сидел на кровати в своей комнате и уныло смотрел перед собой. За плечи его ласково обнимала Кеми.

— Акин, живи своим умом и ничего не бойся. А папа тебя любит, вот и все.

— А тебя? Тебя он любит?

Кеми неслышно вздохнула и положила сыну голову на плечо.

— Ну конечно, как же иначе.

* * *

Саманта опаздывала и быстро шла по школьному двору, не забывая крутить бедрами и посылать всем существам мужского пола обольстительные взгляды. И чуть не сбила парочку, застрявшую у входа в класс. Акин и Ника. Разговаривают. Саманта ни разу не видела, чтобы они разговаривали — это точно, потому что все контакты «подходящих» мальчиков она ревностно отслеживала. Но эти-то — даже на лабораторной никогда за одним столом не оказывались. А тут так смотрят друг на друга, что... ошибки быть не может. Вот черт, упустила. Как, когда — непонятно. Саманта с досадой ввинтилась между ними, прижав Акина внушительной грудью, и прошла в класс. С вызовом оглянулась.

Но Акин и Ника, похоже, ее даже не заметили.

ПОНЧИК АКАРА

Сегодня воскресенье, и рано утром мы идем в церковь. Я, мама, папа, четыре моих старших брата и наши соседи. Мама надевает на меня розовое платье с широкой юбкой. Платье очень красивое, жаркое и трет кожу под мышками. Мама разговаривает с соседкой, я смотрю на их губы и понимаю каждое слово. Мама говорит, что я ничего не слышу, но это не так. Я умею слушать. А ушами или нет — какая разница.

Мы не завтракали, потому что еще очень рано. Но есть уже хочется.

Наша церковь совсем небольшая. Небо ярко-синее, крыша розовая, крест черный. Я его боюсь. Он так сильно врезается в небо и такой острый, что мне кажется: сейчас сверху закапает кровь. Значит, я грешница. Праведники не боятся креста.

Пастор Джон говорит, что мы все грешники. Он говорит это каждое воскресенье. Наверное, потому что люди об этом быстро забывают. Ну, может, в понедельник еще помнят. А во вторник — уже нет.

Кто-то щипает меня повыше локтя, больно, с вывертом. От неожиданности я подпрыгиваю на лавке. Тут же получаю подзатыльник от мамы. Она не смотрит на меня, но блюдет все мои грехи. Украдкой поворачиваюсь, смотрю через плечо. Ну конечно. Олафемии. Он сидит вместе с сестрами и матерью как раз за нами.

Отец Олафемии пьет, это все знают. И до церкви не всегда может пройти. Поэтому Олафемии очень злой, ему стыдно. А виновата всегда я. Наверное, потому что я его не дразню, как остальные дети. Он не понимает, почему. И каждый раз щипается до синяков, как только видит мою руку. Зато Олафемии точно поел. Это и понятно — мне бы столько сестер. Губы лоснятся, и пахнет от него вкусно, пончиками акара. Я сглатываю подступившую слюну. Олафемии облизывает губы и грозит мне кулаком, скашивая глаза на мою маму. И щипает еще раз. Теперь это видит его старшая сестра Абигейл, но только улыбается. Кажется, она думает, что мне приятно.

Я отворачиваюсь и слушаю пастора Джона. Я внимательно смотрю на его рот, смотрю, как шевелятся его губы, но слова летят мимо меня. Зато я вижу его голос: толстый, цвета спелого манго, он выходит из его рта и поднимается вверх. Но он слишком тяжелый, и, не долетев до крыши, начинает опускаться на наши головы. В его голосе сладко и душно, но я не шевелюсь, терплю, чтобы снова не получить от мамы. Есть уже хочется не так сильно. Я не люблю манго. Они как живые внутри, и звук под зубами какой-то живой.

У меня кружится голова. Окутанные ярко-желтым голосом пастора, мы встаем и начинаем петь. Мой голос выходит из меня почти прозрачным облаком, и желтый туман быстро его закрашивает. Моя мама и соседка раскачиваются, их рты широко открыты, и узоры с их цветных платьев начинают медленно стекать на лавки и тонкими струйками подниматься вверх, смешиваясь с голосами. Синий, зеленый, коричневый смешиваются с желтым. Пахнет землей, опавшими листьями и ящерицами.

Пастор Джон взмахивает руками как большая черная птица. Его рот открывается все шире, голос становится все толще. Наши рты тоже открываются еще больше, и пол под моими ногами дрожит.

Голоса яркими и грязными полосками соединяются над нашими головами, черные круги ртов вращаются. Я поднимаю руки и аккуратно, сначала одной, потом второй рукой отщипываю от уже совсем густого плотного тумана из разных цветов и запахов. Приближаю наполненные руки к носу. Правая пахнет пылью, кустом, который растет около нашего дома, и ямсом с бобами. Левая — мокрой землей, перцем, пальмовым маслом и папайей. Сегодня трудно выбрать. Я задумываюсь. Олафемии нетерпеливо, но робко дергает меня за рукав. Нет, сейчас он не будет щипаться. Это миг моего торжества. Наконец я делаю выбор. Я поворачиваюсь и протягиваю ему правую руку. Он бережно берет пахучее облако, счастливо улыбается. Потом откусывает от него. Я тоже погружаю лицо в свое. Перец слегка щиплет язык. Боже, как вкусно. Спасибо тебе. Аллилуйя.

Пастор Джон первым отрывается от пола, поднимается наверх и колеблется, подвешенный, в тумане. Потом тяжелый туман поднимает и всех остальных. Голоса уже видны не так хорошо, они слишком переплелись и перемешались, в один цвет и один запах. Они то сильнее, то слабее покачивают нас на себе. Я замираю, наблюдая, как туман становится все плотнее. И в тот момент, когда он распирает и нас, и церковь совсем уж невыносимо, рты начинают вращаться в другую сторону.

И я вижу, как постепенно туман бледнеет, становится легче и распадается на отдельные полоски — зеленые и желтые, сладкие и горькие, грязные и чистые, прозрачные и яркие, — которые втекают обратно в наши рты. Мы медленно начинаем опускаться. И вот уже последняя, самая сладкая полоска уходит обратно в рот пастора Джона.

Но тут что-то происходит. Что-то неправильное. Свет и тени вокруг начинают дрожать и метаться по стенам. Резко, глубоко вдыхаю странно знакомый запах. Такой живой, влажный и скользкий. Это больше не манго. Я знаю, что это. Это кровь. Люди, оторвавшись от тумана, падают вниз и лежат. Я тоже лежу. Пол под мной ритмично содрогается.

В церкви кто-то чужой. Эти люди двигаются быстро и резко, их лица закрыты. Я вижу их голоса. Они длинные и острые, как

крест на нашей крыше, с красными кончиками на конце. И они извиваются, как змеи, и быстро жалят всех нас. Я закрываю глаза. Я лежу. На моем языке все еще вкус перца, папайи и мокрой земли. Но я не могу не дышать. И я дышу. Дышу пылью и кровью, и они просачиваются на мой язык.

Когда я понимаю, что чужие люди ушли, я открываю глаза и сажусь на полу. Мое розовое платье стало серым, с бурыми пятнами. Я плохо вижу. Серая пыль висит в воздухе. Через дыру в стене тянется солнечный луч, и пыль волшебным образом дымится в его свете. Некоторые люди начинают шевелиться, подниматься с пола и, покрытые пылью, пробираться к выходу.

Что-то черное, большое лежит и не шевелится. Это, наверное, пастор Джон. Больше я никого не узнаю, и не понимаю, кто из всех этих людей моя семья. Может быть, снаружи будет видно лучше. Я встаю на четвереньки и ползу на свет. Меня кто-то трогает за руку. Я поворачиваю голову. Может быть, это Олафемид? Я не знаю. Но он помогает мне встать. Мы идем к выходу вместе.

На улице меня слепит яркий свет. У всех людей там открыты рты, из глаз текут слезы. Рядом со мной стоит Олафемид. Его лицо очень грязное. Он открывает рот, я слежу за его губами, но не понимаю, что он говорит. Зато я вижу его голос: белый. Это значит, что ему больно. Он опять говорит, и белые, красные, черные полосы опутывают меня. Я плачу. Олафемид отворачивается и, кажется, что-то ищет в кармане. Я чувствую что-то мягкое и теплое в своей руке. Опускаю глаза. Олафемид изо всех сил вжимает в мою ладонь маленький грязный пончик акара.